

// Режиссёр Виталь Кравченко о премьерном спектакле «Метод»

«Сегодня каждый выживает как может»

ЕЛЕНА ЧЕРНОБАЕВА
ellenz@tut.by

6-8 июля Гомельский молодёжный театр представляет премьеру психологического триллера «Метод». В основе постановки – пьеса Жорди Гальсерана «Метод Грэнхольма». Сегодня её ставят по всему миру. Режиссёр спектакля Виталь Кравченко уверен, что «Метод» понравится и белорусскому зрителю, ведь он заставляет задуматься, кто мы есть в современном обществе и на что способен человек в борьбе даже за самую маленькую цель.

ФОТО ПАВЛА МИЦКЕВИЧА

■ Спектакль «Метод» – третья работа минского режиссёра Виталья Кравченко. В 2016 году в Могилёвском областном драматическом театре он поставил свою дипломную работу «Братья и Лиза» по Алексею Казанцеву. В этом году в минском Современном художественном театре – спектакль «Счастье есть!» по пьесе Алехандро Касоны

– Пьеса ни разу не ставилась в Беларуси. Вы считаете её актуальной для нашей страны? А тем более для Гомеля?

– «Метод Грэнхольма» идёт более чем в 40 странах мира. По крайней мере, я нашёл 71 театр, где её ставят. И это только то, что мне позволил языковой барьер. В Беларуси она, действительно, ставится впервые. Хотя я давно хотел это сделать. Но где ни предлагал, мне отвечали: «Что ты, нет, это для мегаполиса, для большой страны, нам не очень актуально».

Когда Гомельский молодёжный театр согласился на постановку, я очень обрадовался. Потому что пьеса на самом деле актуальная. Ведь речь в ней идёт не только о приёме на работу в крупную компанию. Если посмотреть на современное дезориентированное общество, мы увидим такое везде.

Сегодня каждый выживает как может. И не только в экономическом плане. Зачастую мы забываем, кто мы. А главное, в каком кресле сидим. Директорском или уборщицы. Последние ведь тоже борются за место под солнцем, чтобы получить работу.

И в семьях то же. Исчезают ценности. Понимаете, что произошло? Произошла такая очень странная подмена понятий. Сейчас будут не мои слова, я процитирую кого-то. Но мне очень нравится эта мысль, она точна. Когда закончился Советский Союз, такой перелом-перелом произошёл в сознании людей. Мы ели себе спокойно макароны по-флотски, сегодня мы это называем пастой болоньезе.

Эта вот подмена понятий и в пьесе заложена. Она

Зачастую мы забываем, кто мы. А главное, на каком кресле сидим. Оно директорское, или это кресло уборщицы. Ведь уборщицы тоже борются за своё место под солнцем, чтобы получить работу.

очень живо отражает наш сегодняшний мир. На какие шаги идут люди, какие границы морали переступают ради достижения своей цели. Она может быть огромнейшей, эта цель. Но может быть и маленькой. Если раньше люди сражались за большие деньги, то сегодня сражаются и за маленькое. Просто чтобы быть.

Мы постепенно превращаемся в какие-то функции. Исчезает человеческий личностный фактор. Этот

функционален в этом, а этот – в этом. Вешаем на людей ярлыки, и раздаём задания. И мы очень легко поддаёмся всему этому. Потому что иначе не сможем выжить на клочке 30 на 30 сантиметров своего места под солнцем. Нас вытопчут. Просто сдвинут с места, и мы останемся у разбитого корыта.

– Вы что-нибудь меняли в пьесе? Может быть, адаптировали её под Беларусь?

– Я категорически против

подбивания зарубежного материала под белорусские реалии. Если мы играем испанского драматурга – играем Испанию, если французского – Францию. Хорошая пьеса чем хороша? Она актуальна и в Гомеле, и в Мадриде, и в Париже. А эта пьеса открывает гнойные раны, которыми болеет всё современное общество. Театр тем и интересен, что он...

– интернационален...

– В какой-то степени. Хотя я и против глобального

космополизма. Потому что тогда теряются границы национальной культуры, а они должны быть. Мы должны чем-то отличаться. Но эта пьеса ложится и на наши реалии без того, чтобы в ней что-то менять.

– Кто из главных героев вам ближе? В пьесе, если судить по сюжету, положительных персонажей-то и нет.

– Я люблю работать с такими материалами, где есть главный герой, которого мне жалко. Если мне главного

героя не жалко, то не интересна и пьеса. А в этом случае нет ни хороших, ни плохих. Каждый со своей правдой. И у каждого найдётся тысяча аргументов для оправдания, почему он поступает так или иначе. Их не жалко, но и не хочется заклеить. Ведь они – отражение нас сегодняшних. Мне очень хочется верить, что у нас получится это передать. Потому что пьеса этим сложна.

Не очень люблю современную русскую, белорусскую драматургию по той причине, что зачастую в них главный герой – это ситуация. А здесь героя сразу четыре. И борьба происходит не на уровне «мы дерёмся за тазик с макаронами», а цена высока. Не зря поставлено столько спектаклей по «Методу Грэнхольма».

Гальсеран написал эту пьесу, потому что прочёл в газете, как уборщица в одной крутой компании нашла исписанные нелицеприятными комментариями работателя анкеты. И он смог эту историю довести до абсурда. Если взглянуть на нашу жизнь – это всегда абсурд.

– В пьесе три мужских и один женский персонаж. Есть ли на этом уровне противопоставление? Сегодня набирают популярность идеи феминизма.

– И эту тему Гальсеран поднимает. Феминизм даже педалируется. Поднимается тема толерантности по отношению к не таким, как все. Повторюсь, гнойные раны, которыми наше общество болеет, они все здесь открываются.

– Как вам работается с группой молодёжного театра. Всем ли подошли роли?

– Идёт рабочий процесс, и актёры открыты к нему. Для меня это новый материал, как и для них. Конечно, были притирки, но сейчас мне очень комфортно. Я это называю профессиональной дружбой. И когда на определённом этапе репетиционного процесса осознаешь, что это есть, тогда работать приятно. Ты можешь просто сидеть и молчать, а они тебя понимают.

– Не бойтесь, всё же, что гомельский зритель не отреагирует на постановку так, как вам хочется. У нас привыкли посмеяться, расслабиться. А тут серьёзный материал, требующий вдумчивого отношения.

– Вот. Вы говорите – привыкли. А откуда такая привычка? Чем кормят, то и едим. Очень хорошую мысль услышал у известного нейролингвиста Татьяны Черниговской. Если мы будем всё время изучать этикетки от шампуней, читать инструкции по применению ополаскивателя, это засядет у нас в мозгу. Если всё время будем заниматься развлекалкой,

зритель этого и будет ждать. А не надо идти за зрителем. Надо зрителя за собой вести. Если мы хотим воспитать. А театр выполняет ещё и воспитательную функцию, как бы сегодня ни говорили, что это утратило свою актуальность.

Мы должны думать, какое поколение подрастает. А этот спектакль как раз для поколения молодых людей, которые оканчивают институты, и перед ними открывается дверь во взрослую жизнь. Не нужно указывать им, что хорошо, а что плохо, но, по крайней мере, показать, как может быть. Тебе этого хочется или нет? Дальше выбор за зрителем.

Поэтому я не боюсь, что зритель вдруг не пойдёт. Это, конечно, разговор на серьёзную тему. Но в спектакле есть место, где можно и посмеяться, потому что иногда Гальсеран доводит до абсурда. И в этой абсурдности вся наша жизнь. Возможно, это будет чем-то новым. Но не настолько, чтобы ничего не понять.

– На афишах спектакля значится возрастное ограничение 18+. Почему?

– Потому что используется парогенератор (электронная сигарета). Есть пара

жёстких слов, которые тем не менее не относятся к ненормативной лексике. По крайней мере, если кто-то захочет пойти на спектакль семьёй, люди будут понимать: может сына или дочь школьника не стоит брать.

Плюс тут ещё тема сама по себе серьёзная. Она, с одной стороны, очень проста и понятна. А с другой, требует от зрителя определённой работы. Не факт, что человек, окончивший девять классов, в состоянии до конца понять происходящее вокруг. Всё-таки в этом возрасте он ещё зациклен вокруг себя, своего личного пространства. «Я, я, я!». В пьесе тоже много этого «я», но оно взрослое. А там другие условия, другие правила борьбы.

О ЧЁМ СПЕКТАКЛЬ?

«Метод» предлагает стать свидетелями эксперимента. На время спектакля сцена и зал театра превратятся в фокус-комнату, где проходят испытания четыре персонажа. Каждый хочет вакансию на престижную должность. Чтобы стать идеальным кандидатом с внушительной зарплатой, надо отказаться от всего человеческого в себе, перешагнуть нравственные пределы. Процедура отбора превращается в жестокую психологическую пытку. Кто победит?